

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИАЛОГИЗМА КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (В АСПЕКТЕ ЭТНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ)

Кравченко В. В.

*Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125993 г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть внутрикультурный и межкультурный диалог как этно-энергетическое явление.

Процедура и методы. В основе исследования лежит этно-энергетическая концепция культурного поля. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации и дискурсивный анализ.

Результаты. Проведённый анализ показал, что культурное поле формируется и развивается диалогически, в виртуальных и реальных взаимодействиях, вызванных эмоциями, переживаниями и чувствами, обуславливающих бессознательные и рационально мотивированные цели отдельных индивидов. Подчёркнут эмоционально-энергетический «смысл», или «подтекст» любой культурной ситуации. Намечено оптимальное развитие коммюнитарного культурного поля, выстраиваемого в диалогах, обусловленных всё более осознанным и ответственным (новым соборным) взаимодействием индивидуализированных субъектов в современном цивилизационном контексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в теорию культурного поля и этно-энергетическую концепцию культуры.

Ключевые слова: культурное поле, этно-энергетическая концепция культуры, внутрикультурный и межкультурный диалог, квази-этнос, индивидуализированный субъект, соборность, коммюнитарность, универсальные чувства

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL FIELD DIALOGISM IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC (IN THE ASPECT OF THE ETHNO-ENERGY CONCEPT)

V. Kravchenko

*Moscow Aviation Institute (National research university)
4 Volokolamskoye sh., Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider intra-cultural and cross-cultural dialogue as an ethno-energetic phenomenon.

Methodology. The research is based on the ethno-energy concept of the cultural field. Methods of observation, generalization, interpretation, and discursive analysis are used in the study.

Results. The research showed that the cultural field is formed and develops dialogically, in virtual and real interactions caused by emotions, experiences and feelings, which determine the unconscious and rationally motivated goals of some individuals. The emotional and energetic “meaning” or “subtext” of any cultural situation is emphasized. The optimal development of the communitarian cultural field is outlined, which is built in dialogues conditioned by the increasingly conscious and responsible (new conciliar) interaction of individualized subjects in the modern civilizational context.

Research implications. The material on the theme of the research is generalized. The results of the research contribute to the theory of the cultural field and the ethno-energy concept of culture.

Keywords: cultural field, ethno-energetic concept of culture, intra-cultural and intercultural dialogue, quasi-ethnos, individualized subject, conciliarity, communitarity, universal feelings

Введение

В философско-культурологическом исследовании понятие «поля» связано с проблемой целостности психики человека и синхронизации эмоционально-психической сферы отдельных социокультурных коллективов, а также – с анализом распределения сил в непрерывной динамике культурных взаимодействий. Рассмотрение любой культурной ситуации проводится с точки зрения отдельного субъекта, а не в «объективных физических» терминах. Культурная ситуация представляется как особое сочетание культурно-психологических факторов, в первую очередь, связанных с эмоциональной сферой человека; факторов, определяющих состояние, действия и взаимодействия человека как субъекта культуры.

В концепции «культурного поля» [10, с. 190–293] подчеркнут энергетический социально-культурный аспект человеческого поведения, коммуникации и деятельности, связанный с существованием и развитием конкретного этноса (понятие «этнос» мы принимаем из учения Л. Н. Гумилева – как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности») [5, с. 499]. Мы рассматриваем этнос как особую сферу существования и взаимодействия разнообразных энергий в человеческих коллективах, особым образом структурированных на эмоционально-информационной основе. Этнос (в широком смысле, как устойчивое социокультурное образование) «рождается» в результате «пассионарного толчка» («энергетического взрыва»), связанного с деятельностью «пассионариев» (людей «энергоизбыточного типа», по Л. Н. Гумилёву, обладающих «врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем этого требуется для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по ви-

доизменению окружающей их среды» [5, с. 506]) Пассионарность – мощный эмоционально-энергетический заряд, ускоряющий формирование или существенную трансформацию этноса, образующий или резко повышающий энергетический потенциал этно-культурного поля. Этнос формируется за счёт распределения исходной пассионарной энергии и энергетического взаимодействия между людьми. Эти взаимодействия, как результат энергетического обмена, проявляются прежде всего в эмоциях (как особых энергетических «двигателях») и «генераторах» психической жизни), переживаниях (как процессе перераспределения и дополнительного расхода человеком эмоциональной энергии в собственном энергетическом поле и в результате – самовоздействия человека не только на эмоциональном, но и на физическом, и рациональном уровнях) и чувствах (как результате рационального осознания и ментального направления энергии эмоций на любой объект или другого человека). При этом культурное поле, т. е. уникальная жизненная среда человеческих коллективов (категорически отличающаяся от природной среды [8]), формируется и существует за счёт биоэнергии каждого члена этого коллектива и разнообразных энергетических взаимодействий внутри коллектива.

Этно-энергетический аспект рассмотрения культурного поля

«Культурное поле» в энергетическом плане – непосредственно воспринимаемая и действенная часть культурного бытия человечества, продуцируемая и поддерживаемая эмоциями, переживаниями и чувствами конкретных людей. Культурное поле материально, однако носит не столько вещественный, сколько полевой (виртуальный) характер, оказываясь особой энергетической средой, которая, в отличие от природного ландшафта, предполагает уникальные человеческие взаимодействия, особое культурное «напряжение». Для нормального функционирования и развития культурного поля необходимы непрерыв-

ная «обратная связь», «диалогизм»: культурного поля с природной средой, взаимодействия различных культурных полей (и микрополей) между собой, постоянное и действенное поддержание энергетического «напряжения» всех уровней культуры между всеми субъектами (индивидами и группами) культурного поля.

В этно-энергетической концепции особую роль играет классификация членов этноса «по энергиям»: суперстрастные («пассионарии» в терминологии Л. Н. Гумилёва), «страстные» (с меньшей пассионарностью), «обычные» (гармоничные), «инертные» (субпассионарные) [10, с. 134–136]. Каждый энерготип определяется значительным разнообразием индивидуальных психических организаций, «энергоёмкостью» жизненных сил и социокультурных позиций, способностей деятельности и т. п.

Культурное поле – это в первую очередь культурное напряжение, иначе говоря, прямые и непосредственные энергетические взаимодействия человека с себе подобными и культурно значимыми предметами и объектами, а не просто физическое существование человеческого существа среди людей и материальных культурных объектов. В эпоху динамичного развития интернета реальное культурное поле для большей части молодёжи – это виртуальное интернет-пространство, социальные сети, мессенджеры и т. п. В нынешней культурной ситуации как никогда стало очевидно, что культурное поле – явление виртуальное, в своём современном существовании обусловленное теми видами технической коммуникации, которые выработало общество. Но в сущности своей культурное поле – это всегда сфера непрерывных и разнообразных диалогов и полилогов. Общение, коммуникации, воспитательное воздействие, стимуляция и выработка культурных навыков, трансформация биологических инстинктов и эмоций в культурные – вот что такое культурное поле, которое является единственной возможностью «возделывать», очеловечить биологический материал «хомо

сапиенса», сохранить и усовершенствовать человека как культурное существо.

Именно отдельные личности как носители определённых культурных традиций и являются основными представителями того сложного и многоаспектного процесса, который именуется «диалогом культуры». «Пассионарии» (суперстрастные) личности, согласно концепции Л. Н. Гумилёва, создают новый «этнос» и задают ему первоначальный мощный психоэмоциональный «заряд», но также, согласно этно-энергетической концепции, определяют формирование, развитие и трансформацию этнокультурного поля. В этом аспекте культура имеет привнесённый, индуктивный, навешенный, а в психологических терминах – заразительный характер. В средовом плане культура – это искусственное энерго-динамическое поле целенаправленной человеческой активности, существующее в историческом и физическом планах по закону рассеивания изначального пассионарного «заряда» и увеличения энтропии социальной системы. Как и в физическом поле, в культуре возможны процессы самоиндукции, повышения энергии системы за счёт перераспределения имеющейся в системе и привлечённой извне энергии (если считать, что этнос в социокультурном плане – это открытая неравновесная система, существующая по законам живых организмов). Исходный энергетический заряд этноса распространяется в системе как на полевом, так и на генетическом уровне (дрейф генов), потому все члены этноса физически-генетически несут в себе частицу пассионарности этнически-энергетического «предка» пассионария.

К проблеме «квази-этносов» и диалога / монолога

В современном глобализованном обществе, где в значительной степени нарушены традиционные этнические связи, в культурном поле формируются особые энергетические «сгустки», которые условно можно обозначить как «квази-этносы» (похожие на этносы). В отличие от «суб-

культур», «квази-этноты» обладают минимальной материальной определённой, а формируются преимущественно на энергетическом уровне благодаря схожести жизненных установок и направлениям усилий представителей данного социального феномена. В квази-этноты нет подлинных пассионариев, а есть временные образцы – «лидеры», «модели», «иконы стиля» и т. п., – которые сами являются не столько личностями, сколько внешними образцами для подражания. Квази-этноты могут формироваться искусственно (например, в фэшн-индустрии), ими можно манипулировать, скрывая реальные источники энергии, цели и задачи формирования того или иного виртуального «сообщества». Ведь для функционирования и развития культурного поля важны все члены этноты, которые вольно или невольно, намеренно или бессознательно влияют на его характеристики.

Этнотическое (и квази-этнотическое) культурное поле порождается и поддерживается благодаря энергетическому диалогу всех без исключения членов этноты. В этом моменте мы полностью солидарны с основополагающей мыслью философа М. М. Бахтина об изначальной диалогичности культуры. Он полагал: «Ведь диалогические отношения – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение» [2, с. 71].

В терминах М. М. Бахтина следует говорить о бесконечном и непрерывном «диалогизме» культуры. Потому мы рассматриваем не только бесконечный «диалог» культуры и природы, разнообразные процессы межкультурного взаимодействия, но также напряжённую и безостановочную внутреннюю культурную жизнь (внутрикультурный диалог [9]), построенную на различных формах противостояний и диалогов от резких уличных столкновений до интеллектуальных обсуждений. И эти

многогранные диалоги являются основой существования и развития культуры, приводят к её эволюционным трансформациям и революционным преобразованиям.

Диалог между индивидуумами перерастает в диалог групп (семей, объединений, сообществ), затем – этнотосов и народов. Подчёркнём, что нас интересует не формальное или поверхностное «общение», а полноценный энергетический обмен, который только и можно именовать «диалогом» (полилогом). По мысли М. М. Бахтина, в диалоге, когда сталкиваются Я и Другой, происходит одновременно самоутверждение, раскрытие и осознание (в своей принципиальной незавершённости!) обоих субъектов в процессе общения. «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в неё, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [2, с. 100–101].

В эпоху пандемии, когда прервались налаженные и привычные связи и взаимодействия, подавляющее число людей столкнулось с проблемой вынужденного одиночества и длительного существования в замкнутом пространстве. Само понятие «диалога» было переосмыслено, виртуальное культурное взаимодействие проявилось во всей своей изначальной и так долго не постижимой значимости.

В классической философии доказано, что истинный диалог – это развитие и обогащение глубинного внутреннего монолога незаурядной личности (который в действительности зачастую являлся диалогом гения с Богом). Одиночество как жизненная стратегия отдельного человека, выпадение из постоянного культурного диалога и противопоставление уединённого образа жизни обычному социальному общению, – в истории культуры явление, как правило, чрезвычайное, но хорошо известное. В древности одиночество было не востребованным для обычных членов сообществ, не понимавших себя вне коллектива, и оно даже было страшным наказанием в древности (изгнание из племени). При этом шаманы и вожди периодически нуждались в одиночестве, концентрируясь на решении

важных проблем всего племени. Шаманы, как правило, селились неподалеку от временного или постоянного стойбища, предпочитая общению с соплеменниками таинственные контакты с духами. Строго говоря, они никогда не были одиноки, но с точки зрения обычных людей шаманы вели уединённый образ жизни.

Некоторые обряды посвящения древности требовали, чтобы неопит, проходя суровые ступени духовных и физических испытаний, определённый период времени (иногда довольно продолжительный – от нескольких недель до года) находился в полной изоляции.

Во всех культурах некоторые виды деятельности или целые культурные направления предполагали постоянное или продолжительное нахождение в одиночестве. Так, в религиозных сектах и Востока, и Запада религиозные фанатики (индийские садху и персидские дервиши, суфии и монахи-затворники разнообразных сект) зачастую совершали свои религиозные подвиги в строгом одиночестве. И здесь мы подчёркиваем определённые культурные практики отказа религиозных деятелей от обычных социальных диалогов в пользу их насыщенных диалогов с высшими силами, которые не ослабляли, а усиливали напряжение их этнорелигиозного культурного поля.

Как показывает история, у обычных людей одиночество понималось как трагическое обстоятельство (жизнь на необитаемом острове в результате кораблекрушения), вынужденное положение (заброшенность стариков, потерявших родственников), в конце концов, – одиночное тюремное заключение преступников, считающееся одним из самых мучительных наказаний...

С процессом индивидуализации членов общества одиночество всё более осознавалось как в некоторых случаях необходимое и закономерное, принимая различные социокультурные формы. Одиноким гениям провозглашали новые идеалы, алхимики свершали тайное дело в поисках философского камня, художники, скульпторы,

писатели и поэты создавали шедевры в уединении; анахореты усиленно молились в пещерах; эгоисты высокомерно пренебрегали общественными интересами; правители, ощущавшие себя трагически одинокими в толпе злокозненных придворных, страдали от мании преследования. В обычной жизни одиночество было уделом чудаков, изгоев и мизантропов, а в целом – часто непозволительной роскошью для обывателя и разумного человека. Общество крепко держало своих членов разнообразными социальными связями, диктовало жёсткие рамки поведения, каждому назначало определённые роли и функции...

В XVIII в. романтики придали одиночеству ореол таинственности и притягательности. Одиноким путешествия в экзотические страны (уже не религиозные, а поэтические, научно-исследовательские, творческие «паломничества») стали источником творческого вдохновения...

Уникальность каждого человека – отправной момент целого ряда философских направлений. В XIX в. философы заговорили об «атомизации» общества, всё более частом стремлении обычных людей уходить из-под гнёта хозяев или начальников, от семьи, от социальных обязательств... Так проявлялась жажда независимости – экономической, социальной, политической, духовной, религиозной...

Социальные сдвиги конца XX в., ознаменованные борьбой за права человека, естественным образом раскрепостили во всех и каждом не только чувство собственного достоинства и способность самостоятельного социального действия, но также ощущение «свободного полёта», возможного освобождения от многих социальных уз и узылиц, обязанностей и обязательств... «Атомарность» человека осознавалась мыслителями «философии жизни», экзистенциализма, персонализма и т. п. как идея (модель, проект) наступающей эпохи «модерна». К концу XX в. социальное одиночество превратилось в глобальное явление, характерное для большинства населения Земли.

Состояние современного общества некоторые социологи считают ранее неизвестным человечеству. Знаменитый британский социолог и философ Зигмунт Бауман назвал новое общество «индивидуализированным». Оно, по его мнению, – результат модернизации и разрегулированности социально-экономических, политических, духовно-нравственных и культурных связей и взаимодействий. По мнению Баумана, «...мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, – и территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни» [1, с. 316]. Утрачен баланс между общественным и частным, разрушаются прежние формы социальности, нынешний этап существования общества – это и есть подлинное «модернити», которое подготавливалось два предыдущих столетия. Современный человек ищет одиночества, устав от чрезмерно напряжённой социальной жизни, а вместе с тем – освобождается от традиций, социальных обязательств, ответственности... [7].

В XX в. одиночество в социокультурном плане можно рассматривать как способ выживания социального субъекта в условиях отсутствия жёсткой идеологии, относительной экономической свободы и размытых границ социального контроля. При этом социальный субъект, избравший одиночество как индивидуальную форму дозирования необходимых форм взаимодействия и диалога, стремится сохранить свою личность в непредсказуемой социальной среде. Осознание независимости, самостоятельности, неподвластности, самодостаточности, возможности удовлетворить свои основные духовные и материальные потребности – вот основа мотивации такого социального субъекта. Он предпочитает социокультурным диалогам формирование собственного монолога (в действительности – внутреннего диалога между возникающими различными сторонами его Я). Согласно исходному принципу существования культурного поля подчеркнута индивидуализированные члены общества составляют особые квази-этно-

сы, энергетически взаимодействующие с другими членами общества.

Достаточно изучен (и неоднократно описан в научно-популярных и художественных произведениях) феномен «дауншифтинга», когда успешный, семейный, социально состоявшийся, богатый или хорошо обеспеченный человек вдруг отказывается от карьеры, семьи, материального достатка – и сбегает в какую-нибудь тропическую страну, чтобы вести там рассеянный и одинокий образ жизни, иногда на грани нищеты. Так современный субъект культуры пытается создать индивидуализированный виртуальный «оазис» эгоистического существования в чужом социуме. Это уже не романтические искания себя в необычных обстоятельствах, не поиск «простой жизни» (в духе Генри Торо), не толстовское «опрошение», не бегство от рутины и собственной никчёмности: Чайльд Гарольд и Печорин забыты навсегда. В условиях перезрелого «общества потребления» речь идёт о бегстве от стресса, о поисках свободы от обязанностей, полной открытости новому жизненному опыту. Как подчёркивают исследователи данного явления, дауншифтинг приобретает популярность благодаря контенту социальных сетей [6]. И это, на первый взгляд, слишком радикальное жизненное решение оказывается наиболее приемлемым для некоторых личностей диалогом с социальным и культурным окружением.

Можно привести пример ещё одного необычного квази-этноса. С середины XX в. в Японии бьют тревогу: многие молодые люди демонстративно отказываются работать и учиться, стремясь вести художественно-свободный образ жизни (как правило, за счёт своих родителей), намеренно избегая семейных уз, постоянных связей, следования традициям. Это направление получило название «хикikomори» («нахождение в уединении»), в просторечии – «хикки»; оно обозначает людей, намеренно отказывающихся от социальной жизни. В стране, где всегда было нормой работать до седьмого пота и думать о сохранении и приумножении семьи, такое поведение молодё-

жи старшее поколение просто ошеломляет. Подобная молодёжная мода захватывает и западные страны – там всё больше молодых людей хочет жить в своё удовольствие, не учась и не работая, эгоцентрично нарушая все устои, социальные нормы и традиции. Иначе говоря, коренным образом меняется диалог поколений. Легче всего отнести это явление к области социальной психологии или даже психиатрии [13], но в энергетическом плане очевидно, что в культурном поле некоторых стран Востока и Запада появились такие жизненные «ниши», в которых подобный социальный эгоизм может реально существовать.

Во многом одиночеству способствует развитие компьютерных технологий. Человек наедине с гаджетом – символ нашего времени. Сегодня никого не удивляют одинокие самозабвенные компьютерные игроки, самодостаточные твиттеряне, самопрезентации в социальных сетях (зачастую не для кого-то, а ради самолюбования)... Психологи бьют тревогу по поводу нового вида психического заболевания – компьютерной зависимости.

В действительности в обыденной жизни индустриального общества с экономической точки зрения одинокому человеку легче выжить. Многие молодые люди, озабоченные ценами на образование, жильё, проживание, добровольно отказываются от создания собственной семьи, а главное – детей. Некоторое время назад сформировалось целое молодёжное движение – «childless», или «childfree» (свободных от детей), намеренно и демонстративно бездетных юношей и девушек. Некоторые исследователи считают это движение субкультурой, некоторые – особой идеологией, которая распространяется и в России [12]. Мы не склонны рассматривать это движение как отдельный квази-этнос, поскольку нежелание иметь собственных детей характерно и для дауншифтеров, и для хикикомори... Но подобный тренд перенаправления социальной энергии (с формирования следующего поколения на самовыживание) у нынешней молодёжи весьма тревожен.

С другой стороны, в мегаполисах XX в. появился целый социальный слой «метросексуалов». Это молодые менеджеры, банковские служащие, компьютерные фрилансеры (одно время именно для них был введён термин – «яппи») – бессемейные, ухоженные, самовлюбленные, в двадцать лет делающие успешные, головокружительные карьеры и ведущие насыщенную светскую жизнь [11]. С позиции социального и культурного диалога метросексуал распространяет вовне свой внутренний эгоистический монолог, он «переводит» его в регулируемое им социальное общение, которое вместе с подобными индивидами создаёт то, что в культурологии называется «субкультурой», а нами – особым сегментом культурного поля, квази-этносом. В нём предполагается особый тип диалогов, которые в энергетическом плане отличаются минимальным культурным напряжением. При внешней социальной активности каждый метросексуал является эгоистом-одиночкой, полностью погружённым в собственную деятельность, самолюбование и поддержание изысканного внешнего имиджа. Светские связи, «тусовки», пафосные мероприятия – это, как правило, культурная бутафория, прикрывающая более мощные в энергетическом плане и чужие взаимоотношения бизнес-структур, политических, социально-экономических или даже криминальных организаций. Метросексуал в культуре, как трутень в улье, существует до тех пор, пока его могут использовать (или его внешним блеском могут прикрываться) другие субъекты культуры, не желающие быть на виду.

Итак, в индустриальном и постиндустриальном обществе XX в. сформировались несколько видов квази-этносов, как форм социального одиночества и социальной монологизации индивидов, пытающихся реформатировать общество в угоду своему эгоизму, экономически, социально и культурно обеспеченному и серьёзно технически вооружённому. Подобный вызов дауншифтеров, и эгоцентризм метросексуалов, и психопатия

компьютерных игроманов, и множество других форм существования «соло» в действительности – новый социальный ресурс виртуального одиночества и социального монологизма ресурс, остро востребованный в перенаселённом и многосложном мире. Мире, по определению З. Баумана, «незримых граждан невидимого общества». В этно-энергетическом плане – это процесс социального самоубийства определённых культурных полей, поскольку чрезмерный монологизм субъектов некоторых сегментов культурного поля – небывалая социально-культурная нагрузка, всё более отягощающая и усложняющая жизнь реального общества, а также трудноразрешимая глобальная проблема целого культурного поля.

Нынешняя пандемия фактически нивелировала все предшествующие формы «эгоистического монологизма» (а точнее – экономическую основу иждивенчества квази-этносов: родители не в состоянии кормить хикикомори, метросексуалы и яппи лишились своего социального статуса и сверхдоходов, даже дауншифтеры, как оказалось, слишком рассчитывали на свою накопленную финансовую «подушку безопасности»). Пандемия продемонстрировала основной социокультурный тренд – выживание отдельного индивида в самоизоляции, которое оказалось возможным только при условии исправно работающих государственно-политических структур. Обнажились реальные рычаги и механизмы существования современного общества, способного породить самые причудливые виртуалы и квази-этноты социо-культурных полей. Одновременно с этим выявились основные проблемы различных видов культурных диалогов – межличностных, межгрупповых, международных... Оказалось, что проблема самоизоляции – не просто в вынужденном одиночестве, а в том, что индивид, требующий уважения к своей свободе и независимости, не способен выжить без социальных структур и взаимодействий (не только экономических).

Новый взгляд на философскую классику

Можно ли совместить сегодня достигнутые социальные позиции в области прав отдельных людей и при этом наладить их постоянный, свободный и энергетически насыщенный диалог, который, как мы доказываем, является основой существования общества как такового? Как уйти от стремления самоутверждающихся личностей (вне зависимости от их истинных социокультурных достоинств) превращать диалоги в монологи, которые не только энергетически истощают саму личность, но и разрушают нормальное функционирование культурного поля?

Один из возможных ответов мы можем обнаружить, восстановив диалог поколений, когда богатейший философский опыт классической русской мысли прошлого века актуализируется и способен удовлетворить современный запрос.

В обыденном сознании вплоть до конца XX в. идея социального единства (социальности, коллективизма) довлела над нарастающим самоопределением и самоощущением «отдельности» каждой личности. Однако она уже становилась предметом теоретического рассмотрения. Скажем, знаменитый русский философ Н. А. Бердяев, анализируя специфическое русское понятие «соборности», увидел возможность соединить идеи свободы личности и социокультурного единства.

Понятие «соборности» впервые было введено в XIX в. славянофилом А. С. Хомяковым. Н. А. Бердяев в статье «Личность и общинность», рассчитанной на западного читателя, для того, чтобы пояснить, какой смысл вкладывают русские в понятие «соборности» (не существующее на других языках мира), был вынужден ввести особый термин – «коммуотарность». По его мысли, коммуотарность – это общинность, но не отсталость, не авторитарность, не бездушный индивидуализм, не безличность. Коммуотарность не есть коллективизм, хотя может в коллективизм выродиться. Н. Бердяев писал: «...коммуотарность всегда сказывалась в русских

нравах, в раскрытости русских домов, в гостеприимстве, в потребности русских людей в общении, в нелюбви к условностям и формальностям общения, в жалостливости и необыкновенной способности к жертвам русского народа» [3, с. 236].

Идея соборности в интерпретации Бердяева – это «соединение принципа личности и свободы с принципом коммюнитарности». Соборность отличается и от религиозного индивидуализма, и от религиозного авторитета; это высшая реальность «духовной коммюнитарности», «коммюнитарного гуманизма».

Сегодня подобные рассуждения представляются далёким от жизни идеализмом, поскольку Н. А. Бердяев объединение принципа личности и принципа коммюнитарности видел в духовном христианском возрождении. Но эти идеи могут помочь нам осознать, какие духовные трансформации должны произойти в диалогах отдельных индивидов и различных культур, чтобы реально функционирующее глобальное культурное поле всего человечества могло нормально функционировать.

Этно-энергетическая концепция показывает, что вынужденная самоизоляция в условиях пандемии есть только перераспределение энергетических взаимодействий из материально-физической области культурного поля в область виртуальных, но не менее существенных социокультурных взаимодействий. Эта ситуация приводит к переформатированию и иногда – даже упрочению нормальных и привычных «диалогов» индивидуальных субъектов культурного поля как непосредственных «потребителей» и «источников» социокультурной энергии. (В некоторых семьях родители впервые за многие годы смогли постоянно общаться со своими детьми и по-настоящему ощутить все проблемы установления внутрисемейных диалогов. Отрицательных примеров много, но не будем на них останавливаться.) Сегодня непонимание или недооценка важности каждой личности как социокультурной единицы и «энергетически заряженной частицы» общества может приводить к раз-

балансировке всей социальной системы. Рассудительные политтехнологи умело направят неизрасходованную культурную энергию целых социальных групп в нужное им русло, не беря ответственности ни за безопасность людей, ни за судьбы государства. Они легко воспользуются незрелостью, несамостоятельностью, безответственностью молодёжи, а также дезориентацией вчерашних дауншифтеров, хикикомори, чайлдфри и метросексуалов, наиболее подверженных социальному «заражению». Любкой психолог легко объяснит такую ситуацию: подростку или социальному маргиналу, вынужденно просидевшему в самоизоляции несколько месяцев, кто угодно в сети предложит просто «пойти на тусовку», и наш пользователь интернета помчится стремглав, даже не уточняя, что за «тусовка» и по какому поводу. В терминах нашей этно-энергетической концепции мы подчёркиваем: в самоизоляции энергия накапливается, и в каком направлении и насколько безопасно она будет реализована, зависит от систем управления обществом, в свою очередь, представляющих собой коллектив мыслящих и целенаправленно действующих личностей.

Именно сейчас на первый план вышли те важнейшие «скрепы» культурного поля, которые были отодвинуты на второй план соображениями сиюминутной экономической выгоды, цинизмом ежедневной борьбы за социальное выживание, забвением духовных основ человеческой жизни. В небывалых исторических условиях формируется диалог власти (как наиболее энергетичных и ресурсных структур) и общества (в лице ответственных и открытых к социокультурному диалогу личностей); а в диссонансе к этому трудному процессу поднимаются голоса тех личностей, групп и квази-этносов, которые стремятся любой ценой отстоять своё право на расширенный собственный монолог, когда не слушают другую сторону и отстаивают собственные интересы и представления о нормах той, докарантинной жизни.

Универсальные чувства – цель или средство?

Сейчас становится очевидным теоретический факт [10, с. 145–168]: в процессе существования совершенствующегося человеческого этноса вырабатываются **универсальные чувства**, которые способны продуцировать уникальные виды человеческой, и только человеческой, энергии. Универсальные чувства в культуре воплощают наиболее желанные цели, к которым должны стремиться люди, осознавая именно эти чувства как высшую духовную ценность. Именно эти чувства, как представляется, должны стать основой «новой соборности» индивидуализированного общества и нового понимания коммюнитарности. Направление коллективной энергии на достижение благородных и идеальных целей даёт возможность обществу существовать как объединению людей, не скатываясь к вырождению. Энергии, расходуемые в процессе формирования и переживания универсальных чувств, качественно трансформируют любую человеческую активность – и материальную, и духовную.

Универсальные чувства, пробуждаемые мега- и макрокосмическими влияниями, внутри этноса зарождаются и осмысливаются в индивидуальных переживаниях, межличностных противоречиях и разнообразных формах деятельности на всех уровнях социокультурной динамики, проявляясь в самых разнообразных видах диалогов и полилогов. И эти диалоги и полилоги должны быть целенаправлены и осмыслены каждым индивидом. Энергии, расходуемые в процессе формирования и переживания универсальных чувств – Любви, Совести, Веры – качественно трансформируют материальную и духовную человеческую активность; они определяют целый ряд сопутствующих общезнаменитых переживаний и чувств: сострадание, чувства свободы и творчества, надежду... Они обеспечивают глубинную консолидацию отдельного этноса и характерные переживания каждого его члена,

ощущение сопричастности к единому обществу как целостному организму, и осознание подлинного духовного родства. На высоком уровне осмысления универсальные чувства соединяют культуры различных этносов в общечеловеческую культуру, определяя духовное родство всех и каждого.

Заключение

Универсальные чувства — Любовь, Совесть, Вера – являются основой «полевого» взаимодействия различных культур, их реального межкультурного диалога. Историческая состоятельность того или иного этноса определяется культурной зрелостью и «освоенностью» универсальных чувств. По существу, с энергетической точки зрения, универсальные чувства в человеке и человечестве – это особые проявления высших космических энергий, «подключиться» к которым можно лишь с определённого уровня развития (эмоционального накала и степени осознанности) культурных человеческих чувств. Универсальные чувства направляют культуру всего человечества (как интегрированную совокупность всевозможных взаимодействующих культурных полей) к совершенствованию и формированию человеческой «космосферы» (в учении В. И. Вернадского — «ноосферы») [4, с. 124–152]).

Диалог культур становится возможным и реальным в процессе формирования единого культурного поля общечеловеческой культуры, построенного на признании и развитии универсальных человеческих чувств. На всех энергетических уровнях культуры – от «атома» индивида до мощных «зарядов» этнических и межнациональных культур – универсальные чувства, как основа разнообразных и разноуровневых диалогов способны поддерживать, развивать и сохранять общечеловеческую культуру.

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
3. Бердяев Н. А. Личность и общинность (коммунотарность) в русском сознании // Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд. РХГИ, 1996. С. 235–261.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
6. Зайцев П. Л., Оводова С. Н. Дауншифтинг или опрощение? К вопросу об авторстве современного культурного явления // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 158–161.
7. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. 279 с.
8. Кравченко В. В. Космические основы понимания «Природы» в её взаимоотношениях с «Культурой» // Информация и космос. 2017. № 2. С. 180–188.
9. Кравченко В. В. Российский внутрикультурный диалог в духовных измерениях пространства и времени // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. М., 2016. С. 171–176.
10. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
11. Остроух И. Г. Метросексуал – стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 14–22.
12. Халфина Р. Р., Тимченко Т. В., Сафронова Е. В. Психосоциальные причины развития чайлдфри в России // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60. С. 475–478.
13. Teo A. R. Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori // International Journal of Social Psychiatry. 2013. Vol. 59. №4. P. 339–341.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 471 p.
3. Berdyayev N. A. [Personality and community (communality) in the Russian consciousness]. In: *Berdyayev N. A. Istina i otkrovenie* [Berdyayev N.A. Truth and revelation], 1996, pp. 235–261.
4. Vernadskii V. I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 520 p.
5. Gumilev L.N. *Etnosfera. Istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere. History of people and history of nature]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 544 p.
6. Zaitsev P.L., Ovodova S.N. [Downshifting or Simplification? On the question of the authorship of a modern cultural phenomenon]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 158–161.
7. Klyainenberg E. *Zhizn' solo. Novaya sotsial'naya real'nost'* [Solo life. New social reality]. Moscow, Al'pina Non-fikshn Publ., 2018. 279 p.
8. Kravchenko V.V. [Cosmic foundations of understanding «Nature» in its relationship with «Culture»]. In: *Informatsiya i kosmos* [Information and space], 2017, no. 2, pp. 180.
9. Kravchenko V.V. [Russian intra-cultural dialogue in the spiritual dimensions of space and time], *Kultura dialoga kul'tur: postanovka i grani problem* [Culture of the dialogue of cultures: formulation and boundaries of the problem], 2016. pp. 171–176.
10. Kravchenko V.V. *Simfoniya chelovecheskoi kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, Agraf Publ., 2017. 384 p.
11. Ostroukh I.G. [Metrosexual is a lifestyle, a form of a person's self-realization and self-awareness in the post-industrial society]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2006, no. 4, pp. 14–22.
12. Khalfina R.R., Timchenko T.V., Safronova E.V. [Psychosocial reasons for the development of childfree in Russia]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2018 no. 60, pp. 475–478.
13. Teo A. R. Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori // International Journal of Social Psychiatry, 2013, vol. 59, no. 4. pp. 339–341.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета);

e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Linguistics and Theory of translation, Moscow Aviation Institute ;

e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Трансформация диалогизма культурного поля в условиях пандемии (в аспекте этно-энергетической концепции) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 53–64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Transformation of the Cultural Field Dialogism in the Context of the Pandemic (In the Aspect of the Ethno-energy Concept). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 53–64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64